

УДК 81 : 1

ББК 81в

К 72

Костева В.М.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского городского педагогического университета, e-mail: kostevavm@rambler.ru

**О правомерности термина «тоталитарная» лингвистика
в современной исследовательской парадигме
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается содержание понятия «тоталитарная» лингвистика. Показано, что «тоталитарная» лингвистика представляет собой объект нескольких дискурсов: политического и агрессивного. Отмечается, что «тоталитарная» лингвистика является широким понятием, которое реализуется в нескольких значениях. Установлено, что «тоталитарная» лингвистика может считаться термином лингвистической парадигмы «тоталитарного», к которой принадлежат также «тоталитарный язык» и «тоталитарный дискурс».

Ключевые слова:

Тоталитарный; парадигма; дискурс; тоталитарный язык.

Kosteva V.M.

PhD in Philology, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teacher Training University, e-mail: kostevavm@rambler.ru

**On the legitimacy of the term «totalitarian» linguistics
in contemporary research paradigm**

Abstract:

The concept of «totalitarian» linguistics is considered. The «totalitarian» linguistics is shown to be an object of several discourses: political and aggressive. The «totalitarian» linguistics is a broad concept, which is implemented in several meanings. It has been found that the «totalitarian» linguistics can be regarded as a term of the linguistic paradigm of «totalitarian», which refers also to the «totalitarian language» and «totalitarian discourse».

Keywords:

Totalitarian; paradigm; discourse; totalitarian language.

После падения большинства тоталитарных режимов Европы и Азии прошло несколько десятилетий. Несмотря на это, их история и наследство вызывают, как и прежде, интерес во всём мире. В последнее время всё больше проявляется тенденция к анализу существования и развития отдельных областей научного знания в условиях тоталитаризма. Так, например, известны понятия «тоталитарная культура», «тоталитарное искусство», «тоталитарная архитектура», под которыми в целом понимаются официальная культура и официальное искусство в тоталитарном

обществе, имеющие несколько доминирующих признаков. Следуя авторской логике, можно предположить, что любая отрасль знания в тоталитарном обществе по определению может носить название тоталитарной, например, «тоталитарная психология», «тоталитарная методика» и т.д.

В сфере гуманитарных наук к такому, по нашему мнению, можно отнести и «тоталитарную» лингвистику. Отметим, что данный термин, в качестве основного, был использован нами в исследованиях и публикациях 2007–2013 гг. Совсем недавно общедоступной стала статья П. Серрио «От любви к языку до смерти языка», впервые опубликованная на французском языке в 1986 году, в которой автор в рамках изучения советского дискурса о языке использует словосочетание «тоталитарная лингвистика», утверждая при этом, что таковой не существует: «Nous ne prétendons pas qu'il existe quelque chose comme une «linguistique totalitaire»» [1: 1]. К большому сожалению, ни в этой, ни в других статьях учёный не раскрыл понятие «тоталитарной лингвистики», не встречается оно более ни в одном из научных трудов как иноязычной, так и русскоязычной литературы. Вероятно, под этим словосочетанием П. Серрио имел в виду лингвистику, существующую в тоталитарном СССР.

Аналогично поступил, например, исследователь из Гонконгского университета К. Хаттон, предложив термин «национал-социалистская» лингвистика для описания лингвистических исследований немецких учёных в Германии в период с 1933 по 1945 гг. [2]. Учитывая отрицательную коннотацию слова «тоталитарный» в современной политической семантике, «тоталитарная лингвистика» исказила бы содержание научного наследия советской лингвистики, вызвав справедливое неприятие и осуждение со стороны многих специалистов в языковедческой и смежных отраслях. Тем не менее, анализ работ, посвящённых исследованию гуманитарного знания в тоталитарных государствах, прежде всего по язы-

ковой политике тоталитарных государств, позволил нам выдвинуть гипотезу о существовании в тоталитарных государствах особой лингвистики, отличной от лингвистики других эпох.

Основной вопрос заключается, на наш взгляд, в том, можно ли вообще говорить о «тоталитарной» лингвистике, считая её объективным явлением, или она представляет собой некую идеологическую конструкцию, не имеющую под собой теоретической основы, и является, таким образом, вымыслом западных политологов. При утвердительном ответе, неизбежно возникает второй вопрос, можно ли считать понятие «тоталитарная» лингвистика термином.

Отправной точкой для решения поставленных вопросов должно стать акцептирование термина «тоталитарность» и его распространение на широкий круг проблем, в том числе на понятие государства, его базиса и надстройки. Под тоталитарным государством в современной политологии и истории понимается государство, характеризующееся полным контролем государства над всеми сферами жизни общества. В наших исследованиях изучению подвергается лингвистика следующих государств: фашистской Италии, нацистской Германии, Советского Союза во время правления И.В. Сталина, Испании при режиме генерала Ф. Франко, Китая периода правления Мао Цзэдуна, Албании времен Э. Ходжи, Румынии при Г. Георгиу-Дежа и Н. Чаушеску. Выбор подробно обосновывается в нашей монографии ««Тоталитарная» лингвистика и её проявление в языковой политике» [3]. Отметим только, что исследование лингвистики именно этих государств предоставляет возможность проанализировать материал разных временных периодов, начиная с 1920 года и заканчивая 1980-ми гг., и, кроме того, разных регионов, географически отдалённых друг от друга, но имеющих общие тенденции политического развития, что способствует максималь-

ному объективизму исследования.

Важной составляющей идеологического дискурса любого государства, в том числе и тоталитарного, является язык. О неразрывной связи языка, политики и идеологии написано немало работ. Общим положением стало мнение о политической деятельности как преимущественно языковой деятельности (См., например, Шейгал 2000, Dieckman 1981, Grünert 1983 и др.). Тема языка как одной из составляющих тоталитарной идеологии рассматривается в многочисленных работах, посвящённых тоталитарному языку. То, что тоталитарный язык не является некой научной абстрактной фикцией, или феноменом одной отдельно взятой страны, доказывают и зарубежные исследования языка тоталитарных обществ, где подобное явление фигурирует под названиями «деревянный язык», «свинцовый язык» [4]. Изучение тоталитарного языка в лингвистической парадигме проходит с учётом особенностей тоталитарного дискурса как проявление политического дискурса.

В нашем понимании «тоталитарную» лингвистику можно рассматривать как объект нескольких дискурсов. С одной стороны, она представляет собой часть политического дискурса, функции которого связаны с представлением о нём как об инструменте политической власти. Акциональная, агональная, манипулятивная и креативная функции политического дискурса [5: 84] используются в языковой политике. С другой стороны, «тоталитарную» лингвистику можно рассматривать как часть агрессивного дискурса, понимаемого как культурно-историческое явление, рассматриваемого как фрагмент «лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающегося на сложную систему традиций, <...>, неписанных правил», что оказывает влияние на социальное поведение индивидуума и проявления этого влияния в речи. В этом смысле агрессивный дискурс следует рассматривать как «интрадискурс», который можно обнаружить в ряде частных дискурсов, например,

политический, гендерный, научный [6: 61–65]. Исследования последнего вида дискурса предполагают исследования тоталитарного общества с точки зрения анализа стиля мышления и поведения.

Проведённый нами сравнительный анализ лингвистики тоталитарных государств показал, что тоталитарная идеология оказывает воздействие на лингвистику в её научном и прикладном аспектах двояко. С одной стороны, в форме дискурсивных практик, т.е. совокупности «анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [7: 216]. С другой стороны, научные концепции так или иначе являются порождением своего времени и связаны непосредственно с общими тенденциями своего исторического периода, следовательно лингвистику тоталитарных государств можно рассматривать как организм, механизмы которого, подобно механизмам тоталитарного языка, порождаются тоталитарной идеологией. Таким образом, с точки зрения взаимодействия и воздействия тоталитарной идеологии как проявления общественной парадигмы на лингвистическую парадигму, тоталитарную лингвистику можно считать равноправным членом лингвистической парадигмы «тоталитарного».

Как правило, все концепты и термины, связанные с тоталитаризмом, представляют собой совокупность определённых показателей и/или маркеров. Концепт тоталитарного языка, например, реализуются в двух значениях:

1) язык, функционирующий на территории тоталитарного (от лат. *totalis* – весь, целый, полный) государства, осуществляющего полный (тотальный) контроль над всеми сферами жизни общества <...> 2) язык, подвергшийся насильственному идеологическому влиянию, которое осуществляется с помощью централи-

зованной языковой политики, имеющей особый репертуар функций и специфическую системную организацию [8: 552].

Из приведённых примеров следует, что помимо формального признака – существование в рамках тоталитарного государства – члены тоталитарной парадигмы имеют набор других, связанных с механизмами и правилами реализации идеологических установок государства. Проводя аналогии, мы должны были бы написать о том, что «тоталитарная лингвистика» а) существует в тоталитарном обществе и осуществляет контроль за лингвистикой и лингвистами и б) строится на методах и правилах тоталитарной идеологии. С нашей точки зрения, такое определение явилось бы недостаточно полным, чтобы охватить сферы проявления тоталитарности лингвистики. Во-первых, мы не разделяем полностью мнение уважаемого лингвиста Н.А. Купиной на то, что тоталитарный язык доминирует в тоталитарном обществе. Совокупность идеологем и мифологем представляется нам суммой концептов идеологического дискурса, имеющего в тоталитарном обществе свои задачи и функции. Об этом, в частности, говорит и сама Н.А. Купина, утверждая, что основная функция тоталитарного языка «сводима к идеологическим предписаниям» [8: 161]. В работе 1995 года автор прямо указывает на то, что «тоталитарный язык создаёт благоприятные условия для формирования, развития и обогащения семантической сферы политического» [9: 15]. И далее: «В словарь тоталитарного языка входят лишь те элементы, которые соответствуют выработанным официальной языковой политикой предписаниям» [9: 43]. Кроме того, количественный состав лексики, которую можно отнести к тоталитарному языку, по сравнению со словарным составом общенационального языка, незначителен. Так, нами был проведён статистический анализ лексики на букву **К** 1-го тома «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [10], где содержатся наиболее известные

политические лексемы, такие как *коммунизм, контрреволюция, класс, комсомол, кооперация* и т.д. [10: 1271–1562]. Используемый метод сплошной выборки показал, что на 5083 словарных статей приходится 90 статей, толкование которых можно соотносить с тоталитарным языком; т. е. в процентном соотношении такого рода лексика составляет не более 2 %. Таким образом, тоталитарный язык представляется нам составной частью идеологического дискурса тоталитарного государства, имеющий свои задачи и направленный на обслуживание определенного политического устройства. Идеологический дискурс существует во всех государствах, поэтому подобные языки можно обнаружить в государствах с различным типом общественного устройства. Ср., например, так называемый канцелярский язык в современной Германии, слова которого имеют специальное обозначение в лексикографических источниках *amtl., Amtsd., Amtsspr.* (в переводных словарях *канц.*). В повседневной жизни при написании служебных записок или заявлений разного рода также используется отнюдь не язык художественной литературы.

Согласно лингвистическим традициям, понятие или слово становятся термином при выполнении ряда условий, среди которых обозначение им специального понятия «из определённой области знания или профессиональной деятельности», наличие функции «логического точного определения», и его преднамеренное или сознательное создание «с учётом системных взаимоотношений в определённой сфере знания» [11: 487–488]. Сказанное выше соответствует первому и третьему требованиям, необходимо выполнить второе условие и дать определение термина «тоталитарная» лингвистика.

Материалы по истории лингвистики в тоталитарных государствах привели нас к выводу о том, что существующие модели тоталитарного государства, основанные на выделении основных и дополнительных признаков тоталитарно-

сти, позволяющих соотнести то или иное государство с тоталитарным, могут быть спроецированы и на «тоталитарную лингвистику». В результате этого нами была построена модель, включающая, в частности, такие категории, как культ личности учёного, связанная с ним монополия одного или нескольких направлений лингвистики; система физического и психологического террора и т.д. [3: 38–39].

Набор этих признаков создаёт, таким образом, парадигму «лингвистического тоталитаризма», которая может проявляться на отдельных исторических этапах в странах с разным политическим устройством и исчезать при отсутствии причин её появления, т.е. представляет собой, используя термин, заимствованный нами из работ О.А. Радченко, так называемую «мерцающую парадигму». Её образным представлением может стать некое пространство, слабо светящееся неровным светом (в данном случае парадигма лингвистического тоталитаризма, проявляющаяся с различной интенсивностью), где время от времени появляются яркие проявления того или иного признака «тоталитарной» лингвистики, которые постепенно затухают, появляясь затем в новых местах.

Необходимо объяснить и заключение слова «тоталитарный» в сочетании с лингвистикой в кавычки. Отметим, что данное решение было принято нами, исходя из метафоричности политического

и тоталитарного дискурсов, отмечаемого многими исследователями (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал), и в применении к нашей тематике означает наличие комплекса метафор, описывающих язык и языкознание в тоталитарном обществе.

Аналогично термину тоталитарный язык термин «тоталитарная» лингвистика подвержен эврисемии, которой могут подвергаться как общенаучные, так и общелингвистические термины [12], и является, таким образом, широкозначным термином. С этих позиций рабочим определением «тоталитарной» лингвистики может стать следующая формулировка: «тоталитарная» лингвистика – это 1) совокупность дискурсивных практик тоталитарного общества, проецируемых на лингвистику как области научного знания и как языковой политики; 2) совокупность научных метафор, описывающих доминанты тоталитарной идеологии [3: 37].

По нашему убеждению, введение в теорию лингвистики термина «тоталитарная» лингвистика и её всестороннее изучение может способствовать решению ряда проблем истории языкознания и философии языка, заполнить определённые лакуны в изучении и понимании лингвистики периода тоталитаризма. Важным аспектом изучения «тоталитарной» лингвистики является также возможность выработки новых критериев оценки того или иного периода развития языкознания.

Примечания:

1. Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique. 1986. №. 6. P. 1-19.
2. Hutton C.M. Linguistics and the Third Reich: Mother-Tongue Fascism, Race and the Science of Language. London; N. Y.: Routledge, 1999. 432 p.
3. Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика и её проявление в языковой политике. М.: Изд-во МГПУ, 2013. 128 с.
4. Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. №. 5 (25). С. 160-167.
5. Никуличева Д.Б., Комкова А.В., Терехова Е.В. О некоторых лингвистических инструментах мониторинга изменений общественного сознания (на материале ана-

- лиза политического дискурса) // Текст и язык в переходные эпохи: материалы круглого стола, 26 окт. 2010. М.: Тезаурус, 2010. С. 84-98.
6. Радченко О.А. Исследования агрессивного дискурса. проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1. С. 60-66.
 7. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 2008. 554 с.
 8. Купина Н.А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 552-554.
 9. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНИ, 1995. 144 с.
 10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1938. Т. 2. 1039 с.
 11. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 526 с.
 12. Антимирова В.В. Семантическая полиаспектность лингвистического термина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. № 3. С. 77-81.

References:

1. Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique, 1986. №. 6. P. 1–19.
2. Hutton C. M. Linguistics and the Third Reich: Mother-Tongue Fascism, Race and the Science of Language. London, New York: Routledge, 1999. 432 pp.
3. Kosteva V.M. The «totalitarian» linguistics and its manifestation in language policy. М.: MGPU Publishing House, 2013. 128 pp.
4. Seriot P. Wooden language, language of other and our language. In search of real language in socialist Europe of the 1980s // Political linguistics. 2008. No. 5 (25). P. 160-167.
5. Nikulicheva D.B., Komkova A.V., Terekhova E.V. On some linguistic instruments of monitoring of public conscience changes (based on the analysis of political discourse) // A text and language during the transitional period: materials of the round table, October 26, 2010. М.: Thesaurus, 2010. P. 84–98.
6. Radchenko O.A. The study of an aggressive discourse: problems and prospects // MGPU Bulletin. Ser. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education. 2009. Issue 1. P. 60–66.
7. Foucault M. The Archeology of Knowledge. Kiev: Nika-Center, 2008. 554 pp.
8. Kupina N.A. The totalitarian language // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. М.: Flinta: Nauka, 2003. P. 552–554.
9. Kupina N.A. The totalitarian language: vocabulary and verbal reactions. Yekaterinburg, Perm: ZUUNI, 1995. 144 pp.
10. The explanatory dictionary of the Russian language / ed. by D.N. Ushakov. М.: Sov. encyclopedia, 1938. V. 2. 1039 pp.
11. Matveeva T.V. Unabridged dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 526 pp.
12. Antimirova V.V. Semantic multi-aspect character of a linguistic term // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2009. Iss. 3. P. 77–81.